

УДК 81-23 + 82-94
DOI 10.17223/18137083/70/23

М. А. Кузьмина

Институт филологии СО РАН, Новосибирск

**«Дневник писателя» Ф. М. Достоевского
как предмет аксиологической психолингвистики**

Рассматривается возможность применения к анализу «Дневника писателя» Ф. М. Достоевского аксиологически ориентированного междисциплинарного психолингвистического метода. Анализ текста «Дневника писателя» дает представление о ценностно-ориентированных смыслах индивидуального сознания автора, актуальных не только для общества второй половины XIX в., но и для современной жизни, в свете социальных вызовов и психологических проблем личности, связанных с утратой ценностных ориентиров. Метод писателя, чей опыт жизни, мировоззрение и многочисленные прозрения нашли воплощение в «Дневнике писателя», находит отклик в современных подходах экзистенциального анализа В. Франкла и христианской, или «нравственной», психологии.

Ключевые слова: аксиологическая психолингвистика, Дневник писателя, Достоевский, нравственная психология, психология искусства, Франкл, христианская психология, ценности, экзистенциальный анализ.

Введение

Метафорическое мышление – настоящий дар, которым владеет человек; оно позволяет познавать новое с помощью известного, и именно эта способность проникать напрямую к смыслу, как будто минуя логику, а на самом деле, следуя особой логике – метафорической, – эта способность и стала основой открытого междисциплинарного общения в научной среде [Кузьмина, 2006]. Особенно востребован междисциплинарный подход в гуманитарных науках, приступающих к исследованию человека как многомерного объекта. Выдающихся успехов в изучении как индивидуального, так и национального сознания добилась такая стремительно развивающаяся междисциплинарная область знаний, как психолингвистика, объектом которой стало языковое сознание. В рамках Московской психолингвистической школы многообразие объектов исследования опредмечивается в фокусе новых направлений: (нео)психолингвистика, этнопсихолингвистика, лингвокульту-

Кузьмина Мария Александровна – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора русского языка в Сибири Института филологии СО РАН (ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия; mash_room@mail.ru)

ISSN 1813-7083. Сибирский филологический журнал. 2020. № 1
© М. А. Кузьмина, 2020

рология, аксиологическая этнопсихоллингвистика и т. д. (см., например, [Красных, Бубнова, 2015; Бубнова и др., 2017; Шапошникова, 2016] и мн. др.). Современные психоллингвистические исследования основаны на теории речевой деятельности и на трудах выдающихся ученых – А. Н. Леонтьева, Л. С. Выготского и др., в работах которых подход к исследованию речемыслительной деятельности человека осуществляется через его социальную деятельность. При этом нам представляется важным учитывать ценностный фактор, или фактор целеполагания: любая социальная деятельность направлена к какой-то цели, осуществление или не осуществление которой ведет к обретению или не обретению «сверхсмысла» (В. Франкл), своеобразной «вертикали» жизни, которая, подобно позвоночнику в человеческом теле, удерживает равновесие всех прочих смыслов.

Аксиологическая психоллингвистика представляется адекватным методом не только для речевых практик, но и для анализа художественного текста: она позволяет описать ценностный уровень языкового сознания автора, так как текстовый анализ дает более достоверную информацию об аксиологическом статусе ключевых смыслов [Шапошникова, 2016, с. 319]. «Лучшим свидетельством того, насколько та или иная теория правильно познаёт и понимает изучаемые ею явления, служит та же мера, в которой она овладевает этими явлениями» [Выготский, 2017, с. 64]. Целью настоящей статьи и является попытка показать, насколько ценностно-ориентированный психоллингвистический метод может «овладеть» таким концептуальным (т. е. «смыслонасыщенным») и многоуровневым произведением, как «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского.

Актуальность «Дневника писателя»

Русские «вечные вопросы» и вечные ответы на них разбросаны, как драгоценный жемчуг, в творениях классиков: «великие произведения русской литературы – всегда пророчества» [Колесов, 2014, с. 274]. Актуальные ответы на «проклятые вопросы» И. Л. Волгин предлагает искать в жизни и творчестве Достоевского: прошедшая в феврале 2019 г. в МГУ его лекция так и называлась – «Достоевский как национальная идея». В чем ученый и литератор, известный специалист по творчеству Достоевского видит актуальность и важность личности писателя в свете понимания национального самосознания? «История его (Достоевского. – М. К.) собственного духа “в сжатом виде” как бы повторила весь спектр наших национальных духовных скитаний», а сама жизнь Достоевского – это «работающая модель» России [Волгин, 2004, с. 13]. Описание этой «работающей модели» и ее актуальность в свете новых методологических подходов составляет содержание настоящего исследования.

«Дневник писателя», издававшийся в 1860–1870-е гг.¹, – это публицистика «с душой», которую чувствовали простые читатели, ценили доверительность и искренность автора, а также были благодарны ему за «ненаучность», т. е. открытую ценностную ориентацию, без претензии на «бесстрастность» и «объективность». Если судить о тираже «моножурнала» по меркам книгоиздательства того времени, то «Дневник писателя» можно считать бестселлером [Там же, с. 64]. Однако же если «Дневник» оказался таким значимым и был так высоко оценен многими современниками, то почему он был так надолго забыт?²

Л. А. Артамонова называет содержание «Дневника писателя» «проповедующим словом» [2012, с. 155], но далеко не все и не всегда готовы слышать это сло-

¹ Последний выпуск вышел уже после смерти Достоевского, в начале 1881 г.

² И. Л. Волгин отмечает, что к 1970-м гг. при наличии впечатляющего количества исследовательской литературы, посвященной романам Достоевского, почти не было работ по «Дневнику писателя».

во. И. Л. Волгин показал в своём фундаментальном исследовании (см., например, [Волгин, 2004]), что призыва, прозвучавшего в «Дневнике» и последним аккордом прогремевшего в его знаменитой речи на Пушкинском празднике: «Смирись, гордый человек!» – не услышали ни власть, ни интеллигенция, и катастрофа, «падение в бездну», стала неизбежной. И так, если согласиться с тем, что «Дневник писателя» – «это попытка показать идеал и пути приближения к нему» [Артамонова, 2012, с. 155], то, возможно, окажется, что именно к нашему времени было обращено слово писателя. Если «гений – это тот, кто каждому следующему поколению необходим так же, как и предыдущему», то «сверхгений – это тот, кто каждому следующему поколению нужен больше, чем предыдущему» [Казиник, 2018, с. 245]. Достоевский писал в записной тетради: «Хотя я не известен русскому народу теперешнему, но буду известен будущему» [Захаров, 2010, с. 19].

Страдание и «надрыв»: «вино» искусства из «воды» жизни

В письме-отзыве на публикацию «Дневника» писательница К. Н. Назарьева восторженно свидетельствует: «Ваша “Кроткая” – это верх психического анализа страдания. Вы – поэт страдания» [Волгин, 2004, с. 79]. У многих читателей, однако, вызывал раздражение тот факт, что автор подвергает своих героев «моральным пыткам» (М. М. Бахтин). В статье «Достоевский надрыв» И. Б. Левонтина отмечает, насколько характерно слово «надрыв» для героев писателя: «Вообще весь мир Достоевского, с выставляемыми напоказ гипертрофированными чувствами, с патологическими характерами и изломанными судьбами – это один сплошной надрыв» [Левонтина, 2005, с. 250]. Исследовательница также приводит высказывание В. Набокова о том, что того больше всего раздражает в Достоевском: «Безвкусица Достоевского, его бесконечное копание в душах людей с префрейдовскими комплексами, упоение трагедией растоптанного человеческого достоинства – всем этим восхищаться нелегко» [Там же, с. 250–251].

Л. С. Выготский убедительно показал, что цель искусства – не «заражать» чувствами, как это видел Л. Н. Толстой; если бы главной задачей искусства было «умножение» чувства, без преображения его, то это, по мнению Выготского, напоминало бы евангельское чудо умножения хлебов и рыбы: «...здесь чудо только в количестве – тысяча евших и насытившихся, но каждый ел только рыбу и хлеб, хлеб и рыбу. И не то же ли самое ел каждый из них каждый день в своем доме без всякого чуда?» [Выготский, 2017, с. 304]. На самом же деле «чудо искусства напоминает другое евангельское чудо – претворение воды в вино, и настоящая природа искусства всегда несет в себе нечто претворяющее, преодолевающее обыкновенное чувство»; «искусство берет свой материал из жизни, но дает сверх этого материала нечто такое, что в свойствах самого материала еще не содержится» [Там же, с. 305]. На принципе антитезы, по Выготскому, строится *катарсис* – преобразование чувств в противоположные, и это в полной мере применимо к творчеству Достоевского. Похожую мысль находим и у Д. С. Лихачёва. Говоря о живописи, он отмечает: «Пикассо впускал хаос в свои произведения и стремился найти в хаосе какую-то свою хаотическую оправданность. Хаотическую... Вот это-то и пугает зрителей. Им трудно идти вслед за Пикассо и мириться с хаосом» [Лихачёв, 2006, с. 11]. Зрители и читатели охотнее пойдут вслед за красиво устроенной декорацией мира, тогда как «Достоевский ни на минуту не позволяет нам забыть радостным узнаванием этой действительности (как Флобер и Толстой)» [Бахтин, 2017, с. 42]. В искусстве, как и в литературе, ищут развлечения и «приятности», такого, что ласкало бы зрение или ум и успокаивало; искусству как бы приписываются утилитарные цели. «Спросят: как же – искусство призвано “успокаивать”? Нет, конечно... Искусство призвано бороться с хаосом, часто путем

обнаружения, разоблачения этого хаоса, демонстрации его... Обнаружить хаос уже означает внести в хаос элементы системы» [Лихачёв, 2006, с. 12].

В «Дневнике писателя» мы сталкиваемся с множеством таких явлений, которые принято называть культурными доминантами, ключевыми идеями национального сознания и т. д. Например, именно «надрыв», который так свойствен пафосу Достоевского, И. Б. Левонтина отмечает как одну из ключевых идей русской картины мира, хотя замысел появления этого «надрыва», как мы видим, часто ускользает от читателей. Наиболее личное отношение к жизни, к человеку Достоевский демонстрирует в «Дневнике писателя», и тема страдания и вырастающего на его почве *со-страдания* – одна из основополагающих.

«Сострадание есть главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества», – считал Ф. М. Достоевский³, и таковым человека делают испытания и лишения, которые он претерпевает, а значит, у него формируется и «орган» для восприятия страданий ближнего. О масштабе личности, о ее духовном уровне можно свидетельствовать только по отношению ее к другому человеку, и высшей ступенью этого отношения является любовь. Б. Ландау считает, что «духовное – это то, чем мы любим» [2018, с. 42]. Здесь мы входим в «зону психологического»: страдание, сострадание – это личностный уровень сознания.

Евангельский поворот Достоевского

Восхождение от эгоизма к осмысленному принятию интересов других с психологической точки зрения можно представить как прохождение «ступеней», каждая из которых знаменует смысловой уровень личности, которых Б. С. Братусь выделяет четыре: эгоцентрический, группоцентрический, гуманистический, духовный. Каждый последующий уровень содержит смыслы более высокого уровня, чем предыдущий, и чтобы эти смыслы приобрели значимость для человека, необходимо пережить *кризис* (*греч.* суд) – «внутреннее осуждение, суд над происходящим» [Братусь, 2019, с. 254], недовольство, невозможность найти выход без того, чтобы посмотреть на ситуацию «сверху», т. е. с более высокого смыслового уровня. Результатом кризиса может стать восхождение к новой ступени. Сила же личности проявляется не в преодолении конфликта – внешнего по отношению к личности, – а в способности выдерживать противоречия смыслов... Идея «удерживания противоречий» встречается и у Гегеля в его знаменитой триаде, и это один из тех случаев, когда философская мысль дает стимул к совершенствованию психологического знания.

Японцы говорят: «если вам на пути не встретилось препятствий, купите их за большие деньги». Обращиваясь назад на прожитую жизнь, человек может осознать, что пережитое им испытание принесло ему нечто бесценное – особый опыт. Не только о неизбежности, но даже о необходимости испытаний и страданий находим свидетельства у Достоевского. Так, в беседе с Вл. Соловьёвым он совершенно серьезно и к ужасу окружающих говорил последнему: «Владимир Сергеевич, всем ты хорош, но вот если бы тебе на несколько лет на каторгу...»⁴

Каторга не только дала писателю «опыт» – она дала России писателя. По мнению исследователей его творчества и по слову самого писателя, за время, проведенное на каторге, произошло «перерождение убеждений»: «Суть того, что случилось, Достоевский выразил ёмкой формулой: “Идеи меняются, сердце остаётся

³ Достоевский Ф. М. Идиот. URL: <https://ilibrary.ru/text/94/p.21/index.html> (дата обращения 15.08.2019).

⁴ Волгин И. Л. Достоевский как национальная идея (Встреча в клубе «Impressum» 19.06.2018). URL: <http://www.impressum-club.eu/index.php?mact=News.cntnt01.detail.0&cntnt01articleid=1873&cntnt01returnid=66> (дата обращения 28.03.2019).

одно»» [Захаров, 2010, с. 10]. На каторге Достоевский по-настоящему узнал русский народ, потому что несколько лет бок о бок «жил с народом, разделил его судьбу и верования» [Там же, с. 11]. Прежние убеждения – теоретические, полные умозрительной «любви к человечеству», выраженной в приверженности социалистическим идеям, сменились жалостью и любовью к конкретным людям – каторжанам. Как мы знаем, в будущем «идея противопоставления христианства и социализма станет сквозной для публицистики и творчества автора» [Целовальникова, 2009, с. 64]. Главным фактором перерождения писателя стала реализация

в жизни евангельских слов: как известно, Евангелие, подаренное Н. Д. Фонвизиной, было единственной книгой, которую разрешено было читать на каторге. «Евангелие было для Достоевского воистину Благой Вестью, давним и вечно новым откровением о человеке, мире и правде Христа. Из этой книги Достоевский черпал духовные силы в Мёртвом Доме, по ней он выучил читать и писать по-русски дагестанского татарина Алея, который признался ему на прощание, что он сделал его из каторжника человеком» [Там же, с. 14].

Почему же после суда гражданского произошел этот внутренний «суд» – кризис, приведший к обновлению, переосмыслению жизни Достоевским, а не к самоизоляции или озлоблению? Ведь в каждой личности одновременно сосуществуют смыслы всех уровней. Кто решает, какой смысл побеждает? Поиски ответа на эти вопросы Достоевский вел всю жизнь, и особенно остро это чувствуется в «Дневнике писателя».

«Меня зовут психологом: не правда, я лишь реалист...»

Достоевский так говорил о своем методе: «При полном реализме найти в человеке человека. Это русская черта по преимуществу, и в этом смысле я, конечно, народен... Меня зовут психологом: не правда, я лишь реалист в высшем смысле, т. е. изображаю все глубины души человеческой» (цит. по: [Захаров, 2010, с. 19]).

Современная Достоевскому психология основывалась на понятиях естественности и пользы, сводя все психические проявления к физиологии. В «Дневнике писателя» хорошо видно, как он критикует односторонность выводов такой психологии-физиологии применительно к судебной практике, т. е. в поле деятельности, где решаются судьбы людей. Подробному рассмотрению писателя подвергается судебное разбирательство по делу Корниловой – женщины, которая вытолкнула из окна падчерицу – дочку мужа от первой жены, и дочка чудом осталась цела. В наши задачи не входит подробное описание дела, для нашего исследования важны два момента.

Во-первых, Достоевский принял это дело настолько близко к сердцу, что сам общался с подсудимой и во время следствия, и после суда, сделал собственные выводы, о которых сообщал на страницах «Дневника писателя». Подробное освещение им этого случая привело к пересмотру приговора и оправданию подсудимой. В выпуске за декабрь 1877 г. Достоевский пишет о том, что в этом деле ему «случилось принять некоторое участие» (ДП, 1877, декабрь)⁵. Таким образом, данный факт косвенно свидетельствует о том значительном влиянии на общество, которое имел «Дневник писателя» и напоминает нам те волны возмущения, которые в наше время поднимаются от публикаций на остро социальные темы в социальных сетях или блогосфере.

⁵ Здесь и далее в круглых скобках помещена ссылка на текст «Дневника писателя» с указанием года и месяца выпуска по изданию [Достоевский, 1982–1984].

Во-вторых, нам важен сам принцип, сам *метод*, которым Достоевский «работает» с явлениями окружающей его действительности: в каждый волнующий его случай он погружается всей душой, всем сердцем, открыто и честно заявляя о своей позиции, даже если она идет вразрез с общественным мнением того времени («я не потаю моих убеждений...» (ДП, 1876, февраль)). В его отношении к человеку всегда побеждает милосердие, а не справедливость, прощение, а не приговор: «Не лучше ли исправить, найти и восстановить человека, чем прямо снять с него голову. Резать головы легко по букве закона, но разобрать по правде, по-человечески, по-отечески, всегда труднее» (ДП, 1877, декабрь).

Достоевского в общем-то волновал тот же вопрос, который является проблемой и для современных когнитивных наук: почему при сходной телесной организации, при всех тех общих характеристиках, связанных с биолого-видовыми свойствами и культурно-социальным опытом, – при всем единстве того, кого мы можем назвать «человек», – нам не ясна природа таких глобальных отличий в субъективной реальности, внутреннем мире? А если мы считаем, что всё происходит в мозгу, можем ли мы полностью ему доверять, зная, насколько он уязвим и хрупок, насколько непредсказуемы последствия нарушений мозговой деятельности?

Можно ли, например, сводить гениальность к «отклонениям» в физиологии, связывать творческие прорывы с приступами эпилепсии, как это принято в отношении творчества Достоевского? По мнению В. И. Кобылянского, «сводить суть личности и творчества не только писателя, но и любого индивидуума лишь к особенностям его психики и характера, а также здоровья является неприемлемым», а в случае с «диагнозом» Достоевского – ошибочным [Кобылянский, 2015, с. 30].

Другие «физиологи» делали еще более фантастические предположения. «Совершенно серьезно психоаналитики утверждают, – писал Л. С. Выготский, – что Шекспир и Достоевский потому не сделали преступниками, что изображали убийц в своих произведениях и таким образом изживали свои преступные наклонности» [Выготский, 2017, с. 94]. Очевидно, что невозможно рассматривать серьезно гипотезы о сущности искусства как о «сублимировании инстинктов»; цель искусства совсем иная, как мы пытались показать выше.

Отвергая «физиологизм» современной не только ему, но и нам, психологии, Достоевский слишком высоко ценил реальность бытия. «Что бы вы ни написали, что бы ни вывели, что бы ни отметили в художественном произведении, – вы никогда не сравняетесь с действительностью. Что бы вы ни изобразили – всё выйдет слабее, чем в действительности» (ДП, 1876, октябрь). Смысловый уровень – тот уровень личности, без которого невозможно понимание цельности «Дневника писателя», и, лишаясь которого, психологическое учение «теряет» душу. Этот уровень делает доступными аксиологические смыслы, в которых выражаются ценности – фундамент мировоззрения.

Метод Достоевского и современные подходы в науке о душе

Метод Достоевского, его способ обнаружения «человека в человеке» оказывается чрезвычайно близок двум психологическим концепциям – к экзистенциальному подходу В. Франкла⁶ и христианской, или «нравственной», психологии, разрабаты-

⁶ Виктор Франкл (1905–1997) – австрийский психиатр, невролог, психолог; основатель Третьей Венской школы психотерапии и ее главного метода – экзистенциального анализа и логотерапии. Узник четырех концлагерей, он и в неволе продолжал быть доктором и спас от смерти множество людей.

ваемой представителями Московской психологической школы Б. С. Братусем, Ф. Е. Василюком, В. И. Слободчиковым и др.⁷

Сначала сопоставим подходы Достоевского и Франкла. Для Достоевского жизнь и бессмертие – две «части» одной идеи: «Словом, идея о бессмертии – это сама жизнь, живая жизнь, её окончательная формула и главный источник истины и правильного сознания для человечества» (ДП, 1876, декабрь). Эта мысль созвучна и убеждению В. Франкла в том, что, если человек ищет смысл, значит, он есть, и он – вне человека: «Человеческое существование не подлинно, если не проживается в условиях самотрансцендентности» [Франкл, 2018а, с. 67].

Подобно тому, как Достоевский ввел в литературу реализм изображения не «социальных типов», не «голос автора», а голос «живых» людей, Франкл вернул психологии душу. «Именно Франкл внес в психологию личности духовный уровень не как присказку, украшение или позу, а как неотделимую от психологического составляющую, без учета которой жизнь человека непредставима» [Братусь, 2017, с. 226]. Отметим сходство подходов, некоторое сближение позиций психолога Франкла и писателя Достоевского.

1. *Диалог как основа коммуникации*

Логотерапия, которую Франкл положил в основу психотерапевтической помощи, – это аналог диалогичности в произведениях Достоевского. Образцом для метода логотерапии Франкл считает великую историческую модель «духовной коммуникации» – сократовский диалог [Франкл, 2018б, с. 92]. М. М. Бахтин говорит о диалогичности романов, но можно увидеть прием диалога и на страницах «Дневника». Достоевский часто обращается к мнению «наблюдателей», не согласных с ним, находится в острой полемике с общественным мнением: «Дневник писателя» никогда не сойдет с своей дороги, никогда не станет уступать духу века, силе властвующих и господствующих влияний, если сочтет их несправедливыми, не будет подлаживаться, льстить и хитрить» (ДП, 1877, январь).

2. *«Поворот к человеку»*

Следующей общей чертой подходов Достоевского и Франкла можно считать их «поворот к человеку» – это, в принципе, то, что характеризует науку XX в., но для нас важна основа этого поворота: жизнь души человека становится центральной темой, Достоевский обращается к душам людей с «проповедующим словом», Франкл видит свою миссию доктора в том, чтобы дарить утешение.

3. *Героизм и чувство юмора как основа нравственности*

Франкл был убежден, что отличительными свойствами человеческой личности являются способность к героизму и чувство юмора [Франкл, 2018а, с. 27]. Аналогично и Достоевский стремление к героическим поступкам, «гордые и заносчивые мечты» о «геройстве» считает более живительными и полезными, чем «благоразумие иного отрока», «который уже в шестнадцать лет верит премудрому правилу, что “счастье лучше богатства»» (ДП, 1877, январь). А неспособность к пониманию и проявлению чувства юмора Достоевский ставит причиной падения нравственности: «Заметно перестали (вообще говоря) понимать шутку, юмор, а уж это, по замечанию одного германского мыслителя, – один из самых ярких признаков умственного и нравственного понижения эпохи» (ДП, 1876, декабрь).

4. *Смысл жизни человека – за пределами жизни человека*

Наконец, объединяет Франкла и Достоевского то, что оба видят смысл жизни человека вне его земного обиденного существования (как биосоциального организма), и это знание добыто ими таким жизненным опытом, который мог оказаться неподъемным, если бы не истина, которую каждый из них для себя открыл.

⁷ Разработку христианской психологии см. в коллективной монографии «Христианская психология в контексте научного мировоззрения», в том числе в главах данной монографии: [Братусь, 2017; Василюк, 2017; Кричевец, 2017].

Для Достоевского смысл жизни – это Христос, Личность, установить личные отношения с Которой и есть, по его убеждению, смысл жизни. В своих текстах Франкл не говорит прямо о своей религиозности; как психотерапевт он занимает нейтральную, «внеконфессиональную» позицию, опираясь на ту духовность, которую видит в каждом человеке, и на совесть (т. е. «интуитивную способность ощущать уникальный и неповторимый смысл» [Франкл, 2018б, с. 65]). Однако же он очевидно свидетельствует, что «есть все основания называть то или того, с кем мы говорим, к кому обращаемся, когда остаемся совсем одни, в полнейшем одиночестве, наедине с собой, – Богом» [Там же, с. 127].

Теперь рассмотрим сходство подхода Достоевского и аналитической программы христианской, или «нравственной», психологии. Последняя (как мы отмечали ранее [Кузьмина, 2019]) опирается на следующие основные принципы: личностный подход к человеку, открытость личности в будущее, ценностный подход, предпочтение нравственности по отношению к утилитарности и, наконец, цельность «типа знания». Продемонстрируем, как эти черты представлены в «Дневнике писателя».

Личностный подход к человеку. «“Дневник писателя” *личностен* от начала до конца... В отличие от любого из периодических изданий “Дневник” обладал еще собственным героем» [Волгин, 2004, с. 39]. Голос Достоевского (который и был героем «Дневника») тогда оказался «гласом вопиющего в пустыни»: его евангельский образ – «Се, человек!» (Ин. 19: 5) – воспринимался как пародия, болезненный бред, наконец, как «идиот» среди «нормальных» людей. «Общество было нездорово. Однако болезненность склонны были приписать именно Достоевскому» [Там же, с. 47]. Вероятно, не простое совпадение, что именно наше время характеризуется всплеском внимания к «Дневнику писателя»: как и общество, стоявшее в 1870-е гг. «над бездной», мы стоим перед похожими вызовами. «Смерть субъекта познания» на рубеже XX века привела к тому, что было объявлено: «Бог умер!», «последующий столетний период расчеловечивания человека привел к печальной констатации, что и “Человек умер!”, по крайней мере в европейском варианте модели человека» [Слободчиков, 2017, с. 157]. Появилось множество разных «моделей», которые приписывали человеку то одни, то другие характеристики; личность как она есть, сама по себе, оставалась без внимания науки. Как и Достоевский, христианская психология считает мерой возрастания личности следование евангельской вести о спасении, так что истина воплощена в Христе, она – личностна и «вступает во взаимоотношения с другими личностями» [Бахтин, 2017, с. 50].

Открытость личности будущему. Человек у Достоевского – это вечно открытая система и вечно неразгаданная загадка. Философской завершенности, достроенности системы мы у Достоевского не найдем, как отмечает М. М. Бахтин, «и не потому, что она не удалась автору, но потому, что она не входила в его замыслы» [Там же, с. 49]. «В человеке всегда есть что-то, что только сам он может открыть в свободном акте самосознания и слова», и любое «овнешняющее и завершающее» определение о человеке будет неправдой; «он живет тем, что еще не завершен и еще не сказал своего последнего слова» [Там же, с. 88]. Об этой же особенности упоминает И. Л. Волгин: «последнее слово» не сказано в «Дневнике», который, как целое, открыт в будущее [2004, с. 91]. Однако на деле идеал был неосуществим, недостижим – это понимал и Достоевский, это же понимают исследователи, разрабатывающие «нравственную» психологию: весь человек, «во всей потенциальной полноте своего бытия, открыт только своему Создателю» [Слободчиков, 2017, с. 163].

Ценностный подход: нет «как есть», а «как должно быть». «Психологическая антропология должна быть не о том, что есть, – как любая наука о природе, а о том, как должно (или может) быть. Иными словами, исходным основанием для

нее является не учение об истинности и объективности того, что есть, а о ценности и смысле самого бытия человека» [Там же, с. 167], поэтому любая деятельность приобретает аксиологическое измерение. Такая позиция очень близка и Достоевскому. В «Дневнике писателя» читаем: «...судите наш народ не по тому, чем он есть, а по тому, чем желал бы стать. А идеалы его сильны и святы, и они-то спасли его в века мучений...» (ДП, 1876, февраль).

Нравственность vs утилитарность. С бурным развитием науки утилитарный подход становится всеобъемлющим принципом: даже «венец творения» – человек – из цели превращается в средство. «Строгое научное знание о глубинных психических явлениях и состояниях человека оказалось замечательным средством внешнего программирования и кодирования личности. На базе этих знаний разработаны способы оккупации сознания другого и сценирования чужой жизни в собственных целях» [Слободчиков, 2017, с. 159]. В поиске моральных норм мы устремляемся к культуре и ее архетипическим смыслам. Академик Д. С. Лихачёв предупреждал о том, что к культуре невозможно подходить с позиций утилитарности: «культура – это святыни народа». Так и по мысли Достоевского, «святыни наши не из полезности их стоят, а по вере нашей» (ДП, 1876, февраль).

Цельность «типа знания». Христианская психология стоит на признании приоритета *типа знания* над овладением навыком; именно обладание особым – психологическим – типом знания, который имеет самоценность как отличный от других, непсихологических, типов знания, делает вклад психологии в общую семью наук таким важным. «В отличие от навыка, тип знания незаменим. Так, психологический тип знания, психологию нельзя подменить физиологией, медициной, этикой или правом» [Братусь, 2017, с. 215]. «Дневник писателя» – это цельное произведение, отражающее цельность образа мира его автора, а не только особую художественную форму. Судя по многочисленным отзывам читателей со всей России, именно за эту искренность, неангажированность и за эту доверительную интимность выражения своего особенного взгляда на жизнь «Дневник писателя» так ценили его современники.

Заключение

Ценностная парадигма сознания находится в отношении дополнительности к широко принятому научному методу «общей психологии». Применение такой «расширенной версии» психологической методологии видится оправданным в случае анализа таких многоуровневых творений, как «Дневник писателя» Достоевского. Психолингвистику, воспринявшую «нравственную» психологию в качестве методологической базы, можно назвать *аксиологической психолингвистикой* [Кузьмина, 2019]. Ценностно-ориентированное индивидуальное сознание гениального писателя выступает как продуцент «сверхсмыслов» и способно поддерживать национальное сознание народа в периоды испытаний. Но для этого необходимо и субъект познания, «коль скоро существует гениальное созидание, должно существовать и адекватное ему гениальное восприятие» [Казиник, 2018, с. 222], и мы снова возвращаемся к возможностям субъективного мышления.

Метафорическое мышление как «совершенный дар свыше» придает объем и глубину научному поиску, превращает будни в игру, преобразует пыльные стёкла в искрящиеся витражи. Воспользуемся удачно найденной метафорой, автор которой – выдающийся придворный литератор эпохи итальянского барокко, Эмануэле Тезауро. Труд своей жизни, свою главную книгу по теории метафоры он назвал вполне в духе времени и природы своего предмета: «Подзорная труба Аристотеля» (1670)⁸. Грандиозное здание своей теории метафоры он строит

⁸ Подробнее см. [Кузьмина, 2005; 2006].

с помощью категорий, описанных Аристотелем; метафору он видит как бы сквозь «подзорную трубу» Аристотелевой методологии. Можно назвать подход, о котором мы рассуждали выше, «подзорной трубой» Достоевского, который «заглядывал в чужую душу, как бы вооруженный оптическим стеклом, позволявшим ему улавливать самые тонкие нюансы, следить за самыми незаметными переживаниями и переходами внутренней жизни человека» (Кирпотин, 1947; цит. по: [Бахтин, 2017, с. 58]). «Глядя» в «подзорную трубу» Достоевского, мы можем тоже многое увидеть и понять и о самих себе, и о своем народе.

Список литературы

- Артамонова Л. А.* «Дневник писателя» Ф. М. Достоевского и «периферийные» жанры русской литературы // Вестник СамГУ. 2012. № 8/1 (99) С. 153–156.
- Бахтин М. М.* Проблемы поэтики Достоевского. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2017. 416 с.
- Братусь Б. С.* Аномалии личности. Психологический подход. М.: Никея, 2019. 912 с.
- Братусь Б. С.* Оппонентные круги христианской психологии // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: Коллективная монография / Под ред. Б. С. Братуся. М.: Никея, 2017. С. 196–249.
- Бубнова И. А., Зыкова И. В., Красных В. В., Уфимцева Н. В.* (Нео)психоллингвистика и (психо)лингвокультурология: новые науки о человеке говорящем. М.: Гнозис, 2017. 392 с.
- Василюк Ф. Е.* Опыт методологической разметки пространства христианской психологии // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: Коллективная монография / Под ред. Б. С. Братуся. М.: Никея, 2017. С. 250–286.
- Волгин И. Л.* Возвращение билета. Парадоксы национального самосознания. М.: Грантъ, 2004. 768 с.
- Выготский Л. С.* Психология искусства. Анализ эстетической реакции. М.: Издательство АСТ, 2017. 416 с.
- Достоевский Ф. М.* Дневник писателя // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1982–1984. Т. 24–26.
- Захаров В. Н.* Достоевский и Евангелие // Евангелие Достоевского: В 2 т. М.: Русский Миръ, 2010. Т. 2: Исследования. Материалы к комментарию. С. 5–35.
- Казиник М.* Тайны гениев. М.: Издательство АСТ, 2018. 320 с.
- Колесов В. В.* Древнерусская цивилизация: наследие в слове. М.: Ин-т русской цивилизации, 2014. 1120 с.
- Кобылянский В. И.* Анализ здоровья Ф. М. Достоевского, его личности и творчества с позиций генетики. Часть 1 // Клиническая медицина. 2015. № 93 (2). С. 24–33.
- Красных В. В., Бубнова И. А.* Некоторые базовые понятия и основные категории психоллингвистической культуры // Вопросы психоллингвистики. 2015. № 25. С. 168–174.
- Кричевец А. И.* О месте христианской психологии в системе наук // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: Коллективная монография / Под ред. Б. С. Братуся. М.: Никея, 2017. С. 183–195.
- Кузьмина М. А.* К вопросу об аксиологическом аспекте психоллингвистического метода // Вопросы психоллингвистики. 2019. № 3 (41). С. 122–138.
- Кузьмина М. А.* Метафора как элемент методологии научного познания // Социологические исследования. 2006. № 2. С. 42–51.
- Кузьмина М. А.* Метафорология барокко: теория метафоры Эмануэле Тезауро // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2005. Т. 4, № 2. С. 50–59.

Ландау Б. Смысл семьи. Практики семейной логотерапии по Виктору Франклу. М.: Издательство АСТ, 2018. 320 с.

Левонтина И. Б. «Достоевский надрыв» // Ключевые идеи русской языковой картины мира: Сб. ст. М.: Языки славянской культуры, 2005. С. 247–258.

Лихачёв Д. С. Заметки об истоках искусства // Лихачёв Д. С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2006. С. 5–13.

Слободчиков В. И. Христианская психология как методологическая возможность // Христианская психология в контексте научного мировоззрения: Коллективная монография / Под ред. Б. С. Братуся. М.: Никея, 2017. С. 155–171.

Франкл В. Быть человеком означает найти смысл. 100 главных слов / Сост. Э. Лукас. М.: Никея, 2018б. 176 с.

Франкл В. Воля к смыслу. М.: Альпина нон-фикшн, 2018а. 228 с.

Франкл В. Доктор и душа: Логотерапия и экзистенциальный анализ. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 338 с.

Целовальникова Д. Н. Особенности мемуаристики Ф. М. Достоевского на страницах «Дневника писателя» // Изв. Саратов. ун-та. Серия: Социология. Политология. 2009. Т. 9, вып. 2. С. 62–66.

Шапошникова И. В. Православная культура в науке: аксиологическая этнопсихолингвистика // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 303–323.

M. A. Kuzmina

*Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation, mash_room@mail.ru*

A *Writer's Diary* by F. M. Dostoevsky as a subject of axiological psycholinguistics

The paper considers the possibility of applying an axiologically oriented interdisciplinary psycholinguistic method to the analysis of *A Writer's Diary* by F. M. Dostoevsky, a periodical bestseller of the 1860–70s. Warmly received by contemporaries, *A Writer's Diary* became almost an outcast in the next century. For decades, it was overlooked by scientists until a comprehensive historical and philological research, undertaken by I. L. Volgin, caused a new wave of scientific interest to it. The analysis of *A Writer's Diary* provides insight into value-oriented meanings of the author's consciousness, which were relevant not only for Russia of the second half of the 19th century but also for contemporary society given the social challenges and psychological problems of the personality associated with the loss of values. The gospel ideals that formed the basis of Dostoevsky's ideology never fade when it concerns searching for the "super sense" of life. The writer's method, whose life experience, worldview, and numerous insights are embodied in *A Writer's Diary*, finds a response in the modern approaches of the existential analysis of V. Frankl and Christian or "moral" psychology. These approaches extend the methodology of psycholinguistics in axiological dimension. Some common features between new psychological approaches and the method of Dostoevsky can be revealed: a personal approach, the openness of a personality to the future, axiological approach, the opposition of morality and utilitarianism, etc.

Keywords: axiological psycholinguistics, *A Writer's Diary*, Dostoevsky, moral psychology, psychology of art, Frankl, Christian psychology, values, existential analysis.

DOI 10.17223/18137083/70/23

References

Artamonova L. A. "Dnevnik pisatelya" F. M. Dostoevskogo i "periferiynye" zhanry russkoy literatury ["*Writer's diary*" by F. M. Dostoevsky and "peripheral" genres of Russian literature]. *Vestnik of Samar State University*. 2012, no. 8/1 (99), pp. 153–156.

- Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetic]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus, 2017, 416 p.
- Bratus' B. S. *Anomalii lichnosti. Psikhologicheskii podkhod* [Anomalies of personality. Psychological approach]. Moscow, Nikeya, 2019, 912 p.
- Bratus' B. S. Opponentnye krugi khristianskoy psikhologii [Opponent circles of Christian psychology]. In: *Khristianskaya psikhologiya v kontekste nauchnogo mirovozzreniya: Kollektivnaya monografiya* [Christian psychology in the context of a scientific world outlook: Collective monograph]. B. S. Bratus' (Ed.). Moscow, Nikeya, 2017, pp. 196–249.
- Bubnova I. A., Zykova I. V., Krasnykh V. V., Ufimtseva N. V. *(Neo)psikholingvistika i (psikho)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem* [(Neo)Psycholinguistics and (psycho)linguoculturology: new sciences about the speaking man]. Moscow, Gnozis, 2017, 392 p.
- Dostoevskiy F. M. Dnevnik pisatelya [Writer's diary]. In: Dostoevskiy F. M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t.* [Complete works: in 30 vols]. Leningrad, Nauka, 1982–1984, vols. 24–26.
- Frankl V. *Byt' chelovekom oznachaet nayti smysl. 100 glavnykh slov* [To be human means to find meaning. 100 main words]. E. Lukas (Comp.). Moscow, Nikeya, 2018b, 176 p.
- Frankl V. *Doktor i dusha: Logoterapiya i ekzistentsial'nyy analiz* [A doctor and a soul: logotherapy and existential analysis]. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2017, 338 p.
- Frankl V. *Volya k smyslu* [The will to the meaning]. Moscow, Al'pina non-fikshn, 2018a, 228 p.
- Kazinik M. *Tayny geniev* [Mysteries of geniuses]. Moscow, AST Publ., 2018, 320 p.
- Kobylyanskiy V. I. Analiz zdorov'ya F. M. Dostoevskogo, ego lichnosti i tvorchestva s pozitsiy genetiki. Chast' 1 [Health analysis of F. M. Dostoevsky, his personality and creativity from the point of view of genetics. Pt. 1]. *Clinical Medicine*. 2015, no. 93 (2), pp. 24–33.
- Kolesov V. V. *Drevnerusskaya tsivilizatsiya: nasledie v slove* [Old Russian civilization: heritage in the word]. Moscow, Institut russkoy tsivilizatsii, 2014, 1120 p.
- Krasnykh V. V., Bubnova I. A. Nekotorye bazovye ponyatiya i osnovnye kategorii psikholingvokul'turologii [Some basic concepts and basic theories of psycholinguoculturology]. *Journal of Psycholinguistics*. 2015, no. 25, pp. 168–174.
- Krichevets A. I. O meste khristianskoy psikhologii v sisteme nauk [About the place of Christian psychology in the system of sciences]. In: *Khristianskaya psikhologiya v kontekste nauchnogo mirovozzreniya: Kollektivnaya monografiya* [Christian psychology in the context of a scientific world outlook: Collective monograph]. B. S. Bratus' (Ed.). Moscow, Nikeya, 2017, pp. 183–195.
- Kuz'mina M. A. K voprosu ob aksiologicheskom aspekte psikholingvisticheskogo metoda [To the question of axiological aspect of psycholinguistic method]. *Journal of Psycholinguistics*. 2019, no. 3 (41), pp. 122–138.
- Kuz'mina M. A. Metafora kak element metodologii nauchnogo poznaniya [Metaphor as an element of methodology of scientific cognition]. *Sociological Studies*. 2006, no. 2, pp. 42–51.
- Kuz'mina M. A. Metaforologiya barokko: teoriya metafory Emanuele Tezauro [Metaphorology of Baroque: Theory of Emanuele Thesauro Metaphor]. *Vestnik of Novosibirsk State University. Series: "History and Philology"*. 2005, vol. 4, no. 2, pp. 50–59.
- Landau B. *Smysl sem'i. Praktiki semeynoy logoterapii po Viktoru Franklu* [The meaning of a family. The practice of family logotherapy on Victor Frankl]. Moscow, AST Publ., 2018, 320 p.
- Levontina I. B. "Dostoevskiy nadryv" ["Dostoevsky strain"]. In: *Klyuchevye idei russkoy yazykovoy kartiny mira: Sb. st.* [Key ideas of the Russian language picture of the world: Coll. of art.]. Moscow, LRC Publishing House, 2005, pp. 247–258.
- Likhachev D. S. Zametki ob istokakh iskusstva [Notes about sources of art]. In: Likhachev D. S. *Izbrannye trudy po russkoy i mirovoy kul'ture* [Selected works on Russian and world culture]. St. Petersburg, St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Publ., 2006, pp. 5–13.
- Shaposhnikova I. V. Pravoslavnaya kul'tura v nauke: aksiologicheskaya etnopsikholingvistika [Orthodox culture in science: axiological ethnopsycholinguistics]. *Journal of Psycholinguistics*. 2016, no. 2 (28), pp. 303–323.
- Slobodchikov V. I. Khristianskaya psikhologiya kak metodologicheskaya vozmozhnost' [Christian psychology as a methodological possibility]. In: *Khristianskaya psikhologiya v kontekste nauchnogo mirovozzreniya: Kollektivnaya monografiya* [Christian psychology in the con-

text of a scientific world outlook: Collective monograph]. B. S. Bratus' (Ed.). Moscow, Nikeya, 2017, pp. 155–171.

Tseloval'nikova D. N. Osobennosti memuaristiki F. M. Dostoevskogo na stranitsakh "Dnevnik pisatelya" [Peculiarities of F. M. Dostoevsky's Memoiristics on the pages of "Writer's Diary"]. *Izvestia of Saratov University. Series: Sociology. Politology*. 2009, vol. 9, iss. 2, pp. 62–66.

Vasilyuk F. E. Opyt metodologicheskoy razmetki prostranstva khristianskoy psikhologii [Experience of methodological marking of the Christian psychology space]. In: *Khristianskaya psikhologiya v kontekste nauchnogo mirovozzreniya: Kollektivnaya monografiya* [Christian psychology in the context of a scientific world outlook: Collective monograph]. B. S. Bratus' (Ed.). Moscow, Nikeya, 2017, pp. 250–286.

Volgin I. L. *Vozvrashchenie bileta. Paradoksy natsional'nogo samosoznaniya* [The return of a ticket. Paradoxes of the national consciousness]. Moscow, Grant, 2004, 768 p.

Vygotskiy L. S. *Psikhologiya iskusstva. Analiz esteticheskoy reaktsii* [Psychology of Art. Analysis of aesthetic reaction]. Moscow, AST Publ., 2017, 416 p.

Zakharov V. N. Dostoevskiy i Evangelie [Dostoevsky and the Gospel]. In: *Evangelie Dostoevskogo: V 2 t.* [Gospel of Dostoevsky: In 2 vols]. Moscow, Russkiy Mir, 2010, vol. 2: Issledovaniya. Materialy k kommentariyu [Studies. Materials for comments], pp. 5–35.